

КОНЦЕПТ НОВОГО МИРОПОРЯДКА В АМЕРИКАНСКОЙ НАУКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РУБЕЖА XX-XXI вв.

Ивонина Ольга Ивановна

*доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной
и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Новосибирский
государственный педагогический университет»,
Новосибирск*

Рассматривается эволюция понимания современного международного порядка в американской политической науке. Консенсус представителей школы Real Politik (неоконсерваторов) и институционального либерализма (неолибералов) основывается на признании нового характера и направленности международного взаимодействия в условиях глобализации и американского лидерства в Новом мировом порядке.

Ключевые слова: глобализация, неоконсерватизм, неолиберализм, новый мировой порядок.

THE NEW WORLD ORDER CONCEPTION IN AMERICAN INTERNATIONAL RELATIONS THEORY

Ivonina Olga Ivanovna

*doctor of History, professor of the National and World history
Department of Novosibirsk State Pedagogical University,
Novosibirsk*

An analysis of U.S. foreign policy concepts suggests that in the current academic and political community have been formed consensus of neoliberals and neoconservatives, supporters of the institutional functionalism and representatives of the school of Realpolitik. This consensus was based on the recognition of the new nature and IR evolution in Global era and American leadership in the New World Order.

Key words: globalization, neoconservatism, neoliberalism, the New World Order.

Празднование юбилея великой победы вновь ставит в центр внимания историков изучение международно-правовых итогов Второй мировой войны, продемонстрировавших способность стран антигитлеровской коалиции к созданию главного детища послевоенного мира – Организации Объединенных Наций. Дуализм новой, Ялтинско-Потсдамской системы мирового порядка, сочетал в себе как интенции конфронтации двух сверхдержав на полях глобальной и региональной политики, так и способности к поиску взаимных компромиссов посредством использования арсенала многосторонней дипломатии и формирования глобальной повестки дня, в центре которой были вопросы всеобщего мира и безопасности.

Совпадение знаковых событий конца «короткого XX века» – распада СССР с окончанием Холодной войны – предопределило особое ощущение новой эпохи как хронологического и смыслового рубежа всемирной истории.

Инициаторами конструирования образа Нового миропорядка (НМП) стали американские ученые-международники, подтвердив ту истину, что история пишется победителями. Главной несущей конструкцией в архитектуре нового мира должны были стать институты многосторонней дипломатии и прежде всего – Организация Объединенных Наций как единственная универсальная международная организация, способная выполнять функции не только гаранта всеобщей безопасности, но и органа глобального управления.

Представители школ Real Politik и либерального институционализма были одинаково уверены в том, что США принадлежит роль лидера нового мира, потому что именно Америка выступила инициатором создания базовых институтов и принципов послевоенной системы международных отношений: режимов нераспространения оружия массового уничтожения и ограничения стратегических вооружений; международного стандарта прав и свобод человека; международных структур содействия экономическому и культурному прогрессу в лице МВФ, ВТО, ЮНИДО, МАГАТЭ, ЮНЕСКО [23, Р. 174-175].

В американской науке международных отношений конца XX века преобладал граничащий с эйфорией исторический оптимизм, питавшийся убежденностью Ф. Фукуямы в том, что победа

универсальных по своей природе либерально-демократических ценностей положит конец как «историческим» конфликтам между государствами, так и классической биполярности [20].

Окончание Холодной войны было воспринято и как завершение геополитического дискурса мировой политики: проблемы разоружения и ограничения вооружений, создания систем коллективной безопасности, нераспространения ОМУ, механизмов контроля международных договоренностей, – эти и другие вопросы, еще недавно имевшие статус стратегических, оказались вытесненными на периферию глобальной политики. Статус глобальных обрели проблемы противодействия нелегальной миграции и наркотрафику, коррупции и отмыванию нелегальных доходов, обеспечения безопасности пассажирских и грузоперевозок, международного сотрудничества в борьбе с эпидемиями и пандемиями, – словом все то, что затрагивает частные интересы рядовых граждан. Подобная «приватизация» мировой политики объяснялась мультипликацией ее акторов, где наряду с суверенами действуют неправительственные организации; диаспоральные этносы; международные хакерские объединения; ТТС (транснациональные террористические сети) и другие внесистемные «множества», оспаривающие исключительное право суверенов формировать глобальную повестку дня [21].

В либерально-демократической интерпретации Нового мирового порядка 90-х гг. XX века преобладали конструктивистские подходы. Предполагалось, что упорядоченность мир-системы будет достигнута не борьбой разнонаправленных национальных интересов, а сознательными усилиями разных ее участников, направленных на формирование универсальной правовой основы решения глобальных проблем современности. Такое понимание мировой политики ставило под вопрос саму возможность доминирования на ее сцене обладающих уникальными возможностями игроков, независимо от предлагаемых ими обоснований (исторических, экономических, морально-психологических, либо институциональных) собственной исключительности [9; 22].

Представители либерального инстиутуционализма полагали, что противодействие политике геноцида, массовой миграции, валютным и биржевым спекуляциям не будет эффективным, если государства не проявят готовность передать часть своих суверен-

ных прав международным организациям, принимающим юридически обязывающие для всех государств-членов международно-правовые решения. Таким образом, центральным звеном современного миропорядка должны были стать наднациональные структуры – международные межправительственные организации, формальные и неформальные интеграционные объединения, международные институты и режимы [12; 1].

Оптимизм создателей «нового миропорядка» как умозрительного конструкта идеологии и практики неолиберализма сменился трагическим ощущением «конца знакомого мира» после событий 11 сентября 2001 г. Концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона и «краха либерализма» Э. Валлерстайна свидетельствовали о неадекватности большинства прежних объяснительных схем и оценок новой эпохи международных отношений.

В работах, посвященных выяснению типологических черт этого рубежа всемирной истории, семантика НМП выстраивается в логике бинарных оппозиций: универсализму международного права противостоит множественность самоутверждающихся идентичностей; суверенному государству – анонимы глобализации; силе права – право силы; равновесию сил – гегемония. Отмеченная еще Э. Хобсбаумом неопределенность и непредсказуемость будущего стала доминантой ощущения Нового миропорядка как экстремального состояния утраты былой определенности базовых (пространственно-временных и ценностно-нормативных) координат, независимо от того, что считать типологическим признаком последнего – Вестфальскую систему мира, «демократический транзит» или принципы международного права, отраженные в Уставе ООН [2, с.82].

Сознание кризиса модернистской эпистемологии способствовало ренессансу консервативных школ в науке международных отношений. Мультипликация несuverенных акторов, замещающих на поле глобальной политики ее «ответственных игроков» – централизованные властные структуры – свидетельствовала, по мнению представителей школы Realpolitik, о регрессе мировой системы, возвращающейся к состоянию «естественной анархии» и временам Нового Средневековья. Выход на арену мировой политики олигополий, этноконфессиональных групп, мафиозно-криминальных сетей и других представителей глобального анде-

граунда девальвировал, по мнению международников, исторический опыт всех прежних мировых систем – от Вестфалии до Ялты и Хельсинки, основанных на принципе неукоснительного исполнения достигнутых договоренностей [16, p.12].

Неустойчивое состояние мирового сообщества объяснялось и крахом прежнего мировидения: результатом исторического поражения социализма и либерализма как двух одинаково прогрессистских версий стал реванш фундаменталистских течений, различающихся по своим этическим, этнопсихологическим основаниям и историческому опыту. Массовый выброс на рынок идей зачастую прямо противоположных социальных, экономических и военно-политических концептов, исходящих от носителей различных локальных и социокультурных идентичностей, вынуждал исследователей усомниться в наличии единого вектора развития мирового сообщества, а тем более универсальных общезначимых ценностно-нормативных регуляторов мирного сосуществования различных культур и цивилизаций [4, с.248-249].

Таким образом, символом нового состояния мировой системы становится пришедший на смену постбиполярному миру «новый мировой беспорядок», в котором нет места универсализму гуманистических принципов международного права, ценностям свободы и демократии. Первоначальная оценка капитуляции Левиафана перед институтами гражданского общества как триумфа либерализма, после событий 11 сентября 2001 года уступает место апологии «вечной войны во имя вечного мира» под предводительством США как «последнего суверена» [3].

Подавляющее большинство представителей американского академического сообщества констатировало факт «беспрецедентного» и «уникального» глобального лидерства США в современном мире. Неоспоримое преимущество Соединенных Штатов в военной мощи, торгово-экономической, информационно-технологической и культурной сферах виделось залогом стабильности и долговременности грядущего «*Rex Americana*» [19].

Поскольку в «гиперполярном мире» Новому Риму будет принадлежать исключительное право контроля и принуждения, он вряд ли будет нуждаться в легитимации своих действий по наведению порядка в мировом сообществе со стороны союзников по НАТО и даже в мандате ООН. Сценарии потенциального про-

тивоедействия американской гегемонии со стороны ЕС, России, Индии и Китая оценивались как маловероятные, а робкая критика американоцентризма руководителями Франции и Германии воспринималась как ностальгия по старой Европе [13].

Поставленная С. Хантингтоном проблема «Запад и другие» во внешнеполитических дискуссиях после окончания «холодной войны» превратилась в обсуждение проблемы «Америка и остальной мир» [8, Р.202-203].

Неолибералы и неореалисты единодушно констатировали факт безальтернативного глобального лидерства США в современном мире, предоставляющее Новому Риму исключительное право контроля и принуждения, осуществления односторонних действий по наведению порядка в мировом сообществе без мандата ООН [6, с. 9].

В концептуальном обосновании унилатерализма внешней политики США использовались разные виды аргументации: юристы-международники в лице А. Слэйтер [20] вслед за Г. Киссинджером и З. Бжезинским доказывали легитимный характер гуманитарных интервенций в условиях краха классической СМО, основанной на принципе суверенного равенства государств.

М. Гленнон был солидарен с С. Хантингтоном в признании историзма ООН и созданного ею международного права, которое благодаря множеству пробелов не является действенным способом легального контроля за поддержанием мира и всеобщей безопасности в современных условиях [5].

Принципиальная приверженность Дж. Айкенберри стратегии многосторонней дипломатии и кооперационной безопасности сочеталась с негативными оценками потенциала антиамериканской коалиции. Ученый полагал, что независимо от состава ее участников – НАТО, ЕС, Старая Европа, новая Россия и Китай – из-за слабости институциональной основы она не станет действенной альтернативой гиперполярности современного миропорядка [7; 12; 18].

Предложенные американской политологией сценарии нового миропорядка представляли собою симбиоз традиционных для Америки мотивов силового баланса и многосторонней дипломатии, с одной стороны, и радикального разрыва с доктриной «сдерживания» и нормативной теорией мировой политики – с другой. Консенсус неоконсерваторов и неолибералов с официальным

внешнеполитическим курсом привел к появлению в американском политическом лексиконе множества гибридных аттестаций типа «мускулистого вильсонизма», «консервативного либерализма», «демократической империи», призванных доказать преимущество универсальных приоритетов глобальной политики США независимо от партийной принадлежности и идейных предпочтений ее архитекторов [11; 17; 22]. Основой такого нео-нео консенсуса стало общее понимание неолибералами и нео-реалистами природы глобальных изменений в структуре нового миропорядка и лидерства в нем Соединенных Штатов.

Тематика внешнеполитического дискурса рубежа XX-XXI вв. включала в себя как традиционные вопросы соотношения «мягкой» и «жесткой силы в американской глобальной стратегии; соотношения изоляционизма и интервенционизма во внешней политике США; так и относительно новые для американских международных проблем цивилизационной и культурной идентичности основных акторов мировой политики; результатов деконструкции прежнего и перспектив институционализации нового мирового порядка [4, с.22-24].

Синтез базовых установок либерального интервенционизма и прагматизма в духе *Realpolitik* стал концептуальной основой внешнеполитической стратегии всех американских администраций XXI века: от Дж. Буша-младшего, Б. Обамы и Д. Трампа/Созданная совместными усилиями американских экспертов и политиков, она представляет собой вариант умеренно гегемонистского курса США в направлении «наступательной ревизии» основ послевоенной системы международных отношений.

Список литературы

1. Баталов Э. Новая институционализация мировой политики // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 1. С.6-25. DOI10.17994/IT.2016.14.144.1
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
3. Бжезинский. Последний суверен на распутье // Россия в глобальной политике. 2006. № 1. С. 8-26.
4. Валлерстайн И. После либерализма. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 256 с.

5. Ивонина О.И. Новый Рим в Новом мире: к вопросу о роли США в конструировании нового миропорядка // Сравнительная политика. 2016. Т. 7. № 3(24). С. 17-24. DOI: 10.18611/ 2221 – 3279 – 2016 – 7 – 3 (24) – 17 – 24.
6. Кейган Р. О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке. – М.: РОССПЭН, 2004. 160 с.
7. Brooks St.G., Ikenberry J.G., Wohlforth W.C. Don't Come Home, America: The Case against Retrenchment//International security. 2012/2013. Vol. 37. No. 3. P. 7-51. DOI: 10.1162/ISEC_a_00107.
8. Brzezinski Zb., Scowcroft B., Ignatius D. America and the World: Conversations on the Future of American Foreign Polucy. N.Y.: Basic Books. 2008. 304 p.
9. Carothers, Th. The Backlash against Democracy Promotion // Foreign Affairs. March-April, 2006.// <https://carnegieendowment.org/2006/03/07/backlash-against-democracy-promotion-live-discussion-pub-18097>
10. Finnemore M. Legitimacy, Hypocrisy, and the Social Structure of Unipolarity: Why Being a Unipole Isn't All It's Cracked up to Be. // World Politics. 2009. Vol. 61. No. 1. P. 58–85.
11. Glennon M.J. Why the Security Council Failed? // Foreign Affairs. May-June 2003
12. Ikenberry J. After Victory. Institutions, Strategic Restraint and Rebuilding of Order after Major Wars. Princeton: Princeton University Press. 2001. 293 p.
13. Huntington S. The Lonely superpower // Foreign Affairs. 1999. Vol. 78. No. 2. P. 35-49.
14. Kagan R. The Benevolent Empire // Foreign Policy. 1998. No. 111. P. 24-35.
15. Kissinger H. World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History. London: Allen Lane, 2014. 432 p.
16. Krauthammer Ch. The Unipolar Moment Revisted // National Interest. Winter 2003.
17. Kupchan Ch. A. After Pax Americana: Benign Power, Regional Integration, and the Sources of a Stable Multipolarity // International Security. 1998. Vol. 23. No. 2. P. 40-79.
18. Nye J. U.S. Power and Strategy After Iraq // Foreign Affairs. Vol. 82. № 4. July-August 2003.

19. Nye J. Is the American Century over? John Wiley and Sons, 2015.152 p.
20. Slaughter A.M. A New World Order. Princeton: Princeton University Press. 2004. 341 p.
21. Slaughter A.M. Security, Solidarity and Sovereignty: The Grand Themes of UN Reform //American Journal of International Law.Vol.99. July 2005.
22. Snyder J. One World, Rival Theories // Foreign Policy. 2004. No. 145. P. 52-62.
23. Talbot S. The Great Experiment: The Story of Ancient Empires, Modern States and the Quest for a Global Nation. N.Y.: Simon & Shuster, 2008. 512 p.